

РАССКАЗЫ

СВЕЧКИ

Облака лежали на небе, как кусочки яблок на кухонном столе. Как они называются? Кажется, «белый налив». Мне стало весело: я представила себе, что белый налив упал в воду и получился яблочный компот.

– Куда же подевалась моя трубка?

Правда, немного солёный.

– Я её видела сегодня утром на тумбочке.

Наш корабль плыл мимо острова, похожего на торт, а в торте – праздничные свечки, точь-в-точь деревья на острове. Получился праздничный торт для очень пожилого любителя сладкого.

– О чём ты смеёшься, котёнок?

До чего же я несообразительная! Вода в море под Рождество холодная, как же яблоки могут свариться?

– Думал, уборщица забрала. Солнышко, ты уверена, что на тумбочке?

Я удивилась:

– Неужели она курит трубку?

– Нет, зато её муж, если у неё, конечно, есть муж, наверняка курит. Для себя она стащит что-нибудь дамское.

К солнцу присоединилась луна, и теперь их было двое: впереди – солнце, сзади – луна, а мы – между ними, как в гамаке, натянутом между двумя деревьями у нас на даче. Я немного замёрзла, но уходить не хотелось: расстаться с островом было бы так же обидно, как съесть торт. Нет ничего грустнее съеденного праздничного торта. Пожилой любитель сладкого наверняка поддержал бы меня...

В воде плавали прозрачные фиолетовые медузы размером с когда-то летавшую тарелку. Одну из них наверняка звали Горгоной. Или даже многих. Говорят, у каждой – по двадцать четыре щупальца. Кто их знает – попробуй пересчитай...

– Здесь вода грязная, поэтому они такие большие. Нечистоты сбрасывают из канализационных труб с острова прямо в море. Я читал проспект.

– А разве он обитаемый?

– К сожалению, обитаемый. Там живут потомки разбойников и их спутниц. Думаю, они не сильно отличаются от своих предков. На этом острове всё построили каторжники и девицы лёгкого поведения. И деревья посадили тоже они – видишь, какие диковатые? Ну, пойдём в ресторан, ты замёрзла. Нам пора праздновать твой юбилей.

– Ты говорил, что не следует напоминать даме о возрасте.

– Ты права, извини! Пойдём?

Мы сели за столик у окна, выходившего на море.

Острова не было, и медуз тоже. Правда, солнце с луной ещё оставались, но белый налив уже, наверно, исчез...

Или сварился. Мне снова стало весело. На серебристо-золотистых вилках был вензель – судя по всему, королевский. Как должно быть приятно быть королём. То есть королевой, конечно. Когда-то, давным-давно, я любила играть в королевы и королей. Игра несложная, но захватывающая. Я одновременно служила тремя старинными королевами – не старыми, а старинными, это не одно и то же! – и двумя королями. Тремя королями быть не хотелось, хорошего понемножку, двух им будет предостаточно. Я чуть было не расхохоталась в подтверждение собственной правоты.

– Замените, пожалуйста, вилки, они у вас, как всегда, не очень чистые. Надеюсь, вы не хотите, чтобы дама отравилась, да ещё в собственный день рождения. Не нужно портить праздник, договорились?

Уже не было ни солнца, ни луны. Правда, официант вместе с новыми вилками принёс длинную лимонную свечку. Как только он зажёл её и поставил цветы в вазу – такую же длинную и тонкую, но перламутровую, – пианист сел за рояль – нет, кажется, это было фортепиано, обвёл взглядом зал, чтобы посмотреть, для кого будет играть сегодня, и заиграл сюиту – ми-минор, по-моему. Жаль, что я когда-то бросила музыкальную школу. Могли бы сыграть в четыре руки. Хотя пианисту пришлось бы со мной нелегко – я или забегала бы вперёд, или плелась сзади. Нужно хорошенько порепетировать. Интересно, куда всё-таки денется пламя свечи, когда она догорит? Со свечкой понятно – она просто растает, а вот пламя? Куда-то же оно девается?

– Любопытно было бы узнать, какие отметки ему ставили в музыкальной школе. Впрочем, не уверен, что он где-нибудь учился. Ты бы сыграла не хуже, я уверен.

– Нужно было бы хорошенько порепетировать. Это сложная сюита, она у меня так и не получилась.

Пианист откинулся на спинку стула, люди зааплодировали. Он улыбнулся мне – можно сказать, мы были с ним почти знакомы. Я помахала ему рукой. У пианиста в петлице был такой же цветок, как в нашей вазе, только белый, а наши были жёлтые и красные. Пианист улыбнулся и подмигнул мне.

– Во-первых, сколько можно ждать десерт? А во-вторых, если вы тут не хотите неприятностей, предложите своему пианисту подмигивать кому-нибудь другому. И улыбаться тоже.

И в самом деле, зачем он мне подмигивает? Неприлично же...

Официант принёс торт со свечками. Поставил его передо мной, улыбнулся как положено, и поздравил с днём рождения. Не очень искренне, но всё-таки поздравил. Люди за соседними столиками похлопали в ладоши. Особенно активно хлопала и сияла от восторга всеми своими поддельными жемчугами старая морщинистая бабушка в платье столетней давности. И ещё – длинношейей лысоватый пенсионер, который как-то странно на меня поглядывал и улыбался. Пианист послал мне воздушный поцелуй и сыграл короткую поздравительную мелодию. Потом снова послал воздушный поцелуй.

Выглядели его поцелуи довольно неприятными, как и улыбки пенсионера, но ничего не поделаешь, пора бы уже привыкнуть.

– Котёнок, с днём рождения! Это самый важный праздник в моей жизни. Больше всего на свете я бы хотел, чтобы ты была счастлива.

Я смотрела в окно. Моря не осталось, не говоря уже о медузах и об острове. Кусочков белого налива и гамака тоже. Вообще ничего не осталось...

Нужно было начинать есть праздничный торт. Я втянула в себя побольше воздуха. Разве их все задуешь с одного раза, когда их так много? В прошлый раз

было, как полагается, на одну меньше, и всё равно у меня с первого раза не получилось. Ума не приложу, как я задую все свечи через год, – их ведь будет уже одиннадцать.

*Монреаль
Декабрь, 2005 г.*

ФЕОДОСИЯ

Значит, любит. Очень больно, но ничего, подожду, потерплю. Его тоже можно понять, ему в жизни несладко. Он скоро устанет и успокоится. Я закрыла глаза, но тут же открыла снова – чтобы видеть Феодосию на противоположной стене. На этой картине она не такая, о которой я хотела писать. В моей книге она будет намного загадочней и намного несчастней. То есть не так – я намного счастливее, вот как правильно. Её Глеб умер, и что же ей осталось? Разве что боярский титул – и всё? Феодосией меня никто не назовёт, она, возможно, и не стерпела бы, хотя смогла же выжить в проклятой землянке и власяницу пронести столько – почти шестнадцать лет. Но главное – я стерплю и вытерплю, я счастлива, одинокой никогда не буду. Ей Бог дал каких-то одиннадцать лет, а мне – уже целых пятнадцать. Сильно болела голова, всё тело. Он уже скоро успокоится, нужно немного потерпеть, я могу понять его, что у него ещё есть? – а у меня всегда будет то, что я люблю и о чём всё равно никогда не забуду: галерея Айвазовского, главный разговор с Аввакумом, поезд вдоль моря, власяница Феодосии, набережная. И главное – не будет страшнейшего из несчастий – не будет одиночества. Как можно было бы им всем объяснить моё одиночество? Всё что угодно можно объяснить, только не это. Потерплю, потом придумаю что-нибудь, как обычно. Значит, любит. Уже пятнадцать лет. Одиночества никогда не будет. Феодосия сбежала к морю овечьим стадом – до чего же верно! – сбежала от всех забот и, я думаю, от главной – от одиночества, – да, именно овечьим, это правильно. Недавно я поняла, почему Феодосия надела свою власяницу: только так и можно было убить, победить непобедимое одиночество. У неё было каких-то одиннадцать лет... А у меня – целых пятнадцать... У нас – целых пятнадцать. Нет, почти шестнадцать, как я ухитрилась ошибиться, надо же... Почти шестнадцать, и будет ещё много, нужно только вытерпеть, хотя всегда очень больно. Но позор был бы хуже, даже больнее. Одиночество не просто несчастье, оно – позор, самый главный. Если одинока – значит, никому не нужна? Значит, не нужна. Стыдно... Всё-таки уберу эту картину, на ней Феодосия не похожа на себя. Она была умница, и глаза у неё были не безумные, а просто добрые, я так и напишу, вот только начну мою книгу, когда удастся начать. Книга будет, как у Аввакума, – в толстой чёрной обложке, с шершавыми страницами. Нет, на этой картине Феодосия на себя совсем не похожа: взгляд мимо всех и мимо всего, рука никому не нужной женщины, не тонкая, а костлявая. Подняла два пальца, как будто кому-то угрожает, – а она ведь никому не угрожала и всех с самого начала простила... Не простила, она была несчастна – из-за того, что никому не нужна. От одиночества и власяницу надела и пронесла почти шестнадцать лет. Сейчас картину перестало быть видно, но потом нужно будет не забыть убрать. Всё тело болит, и голова раскалывается... Нет, пусть остаётся. Иначе стена опустеет, а она ведь у меня такая важная, я часто смотрю на неё. И на эту, что сейчас передо мной, – тоже. Повешу на ней что-нибудь из Феодосии – Золотой пляж, если в Феодосии найдётся картина с Золотым пляжем. Или «Девятый вал», копию, конечно. Этим летом обязательно поедем туда, только нужно сейчас вытерпеть и стерпеть. Если бы только сейчас... «В одну реку нельзя вступить дважды», – обязательно напишу эту фразу – кажется,

так и сказала Феодосии сестра. Кожа снова горела, как, наверно, у неё под проклятой власницей. «В реку – может быть, и нельзя, Дуняшенька, так ведь у нас не река, а болото»... А в море – хотя бы разок, обязательно поедем летом. Нет-нет, я вытерплю. Не я одна. Разве кто-нибудь не боится одиночества? И не могу же я испортить им всем и себе самой наше чётное число, заставить их неловко молчать и молча радоваться тому, что с ними ничего не случилось, – уж от меня-то они этого никак не ожидают, да и я от них тоже. Сколько лет Феодосия прожила с Глебом? Каких-то одиннадцать, а я – уже почти шестнадцать... Лучше терпеть, зато главного несчастья не будет. Если одна – значит, никому не нужна, что может быть страшнее? Совсем не только для меня – для всех. Потерплю, я умею. И подумаю о том, что вот ведь забавно – поезд ползёт вдоль берега и мимо «Астории», мимо галереи, памятника Айвазовскому, я помню. Наверно, больше нигде из поезда не видишь сразу море и город, бегущий к тебе, как стадо овец, хотя мы ещё не сошли на перрон и овцы нас не видят. А волны выбрасывают водоросли, они пахнут йодом. Почему говорят, что волны пахнут йодом? Не понимаю. По-моему, йод пахнет иначе, совсем не так, как водоросли. Рядом с вокзалом – парк, за парком – причал, оттуда каждый час отходят корабли. Да какие там корабли – просто кораблики. Если холодно, можно сидеть внутри у окна, но пусть будет тепло – и стоять на палубе. «Солёной пеной по губам». Это тоже верно. Лучше будет думаться, если смотреть на воду. В одну и ту же воду нельзя войти дважды... «Что же ты Никона так ругаешь, и Алексея Михайловича, тишайшего? Мы ведь знаем: «Вся власть – ...» Ничего, ничего, он скоро устанет и успокоится... «Вся власть – от Бога»? Аввакум посмотрел на Феодосию, потом на Евдокию, на Марию. Да, так и было. Посмотрел и ответил – так, как ответил бы только человек, которому суждено и под силу вытерпеть почти шестнадцать лет в колодце: «Власть – от Бога, верно. Только властители – от дьявола». Аввакум написал книгу – большая книга в чёрном переплёте, с толстыми шершавыми страницами... Какие сильные руки, будет очень заметно... Нужно потом что-нибудь придумать, но не совсем такое, как в прошлый раз. Ничего, поверят. Иначе догадаются, что я им тоже не верю. Чётное число... Обязательно вставлю этот разговор в книгу, его не могло не быть. И того не могло не быть, что люди ходили из дома в церковь как домой, но с ними в их церкви разговаривали так, что было там, дома, одиноко, как будто в том самом колодце. Вот в чём дело... Картина снова стала мне видна. А она на этой картине – подняла два пальца, – почти все думают, что это для неё главное. Главное для неё – одиночество, отсюда и всё остальное: нищих сотнями зазывала в дом, власницу не снимала, часами слушала Аввакума, стараясь понять то, о чём раньше, когда был жив Глеб, даже не задумывалась, и крестилась двумя пальцами, а не как почти все. Шестнадцать лет Бог присудил ей быть ненужной. Я закрыла глаза и сразу снова открыла – он никогда не должен думать, что я забываюсь. Значит, любит. Ещё немного осталось потерпеть, он скоро успокоится. Аввакум все шестнадцать лет в колодце писал свою книгу. Ему-то одиночество не было страшно. Большая книга в толстом чёрном переплёте, с шершавыми страницами. Удивительно – я уже целую вечность не держала её в руках.

Ну вот, наконец-то он устал, наконец-то он успокоился... Теперь отдохнуть. Потом привести себя в порядок. А потом, может быть, даже выйти на улицу, одной. Подумать о Феодосии, галерее Айвазовского, разговоре с Евдокией. Подумать об Аввакуме, о Золотом пляже, о водорослях, пахнущих йодом... И главное – о том, что я скажу им всем при встрече. Наверно, ничего нового – то же, что они всегда говорят мне. И о самом важном – о том, что мне уже пятнадцать лет Бог позволяет избежать позора быть ненужной. Этим летом нам обязательно удастся съездить в Феодосию, за столько лет я могу себе это позволить. И там обяза-

тельно начну писать книгу о Феодосии. Я её придумала. За пятнадцать лет уже, кажется, можно было бы не полениться и начать. Нет, что же это всё-таки с моей памятью? Конечно – почти шестнадцать.

*Монреаль
Март, 2006 г.*

ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ

Она вышла из вращающейся двери больницы. На улице было свежо, но в носу ещё оставался хорошо знакомый запах перемешавшихся лекарств. Хотя они уже давно не раздражали. Без них – она улыбнулась – было бы даже непривычно и одиноко. Кабинет совершенно пропах этим знакомым запахом лекарств. И ей это было намного ближе, чем, скажем, прокуренные стены. Или даже запах обеда.

Надевая варежки, посмотрела на часы. Оставалось ещё больше часа, можно было не спешить в метро. До ресторана – километра два с половиной. Если идти в такт мыслям – останется ещё около десяти минут. Она сядет за предварительно заказанный столик на двоих, поправит причёску, попросит официанта принести и зажечь свечи. Через десять – максимум пятнадцать, ну, в худшем случае двадцать – минут придёт он. Поцелует ей руку, скажет:

– Ты сегодня ещё красивее, чем обычно.

Ах да, не забыть немного духов, чтобы не пахло больницей. Вот, теперь он может прийти, поцеловать ей руку и сказать:

– Сегодня ты даже красивее, чем обычно.

Она легко улыбнётся и ответит... Ну, сейчас неважно, получится само собой. Предположим:

– Может быть, потому, что у меня для тебя важная новость.

Нет, неправильно. Нужно его подготовить, иначе получается сплеча. Нужно подготовить... Огни машин были уже не белыми, но ещё не стали красными. Почему между волком и собакой? Или между собакой и волком? Хорошо, не будем отвлекаться, нужно его подготовить. Закрыла меню, увлекательно посмотрела на него и также улыбнулась:

– Полагаюсь на твой вкус. Как всегда.

Он ответил ей – тоже как всегда – слегка снисходительной улыбкой сильного мужчины. Подозвал официанта, сказал... В общем, сделал заказ. Взял её за руку. Подготовила, теперь можно:

– У меня для тебя важная новость.

Забрал руку, отпил своего любимого вина. Ах, да, не забыть: она заказала вина. Нет, не так. Вино всегда заказывает он. Он подозвал официанта, заказал вина, а уже потом она закрыла меню и сказала, что полагается на его вкус.

– Скажите, где здесь метро?

Показала рукой в варежке:

– Там, возле больницы.

Не отвлекаться, сосредоточиться.

– У меня для тебя важная новость...

Неужели уже пришла? Ресторан оказался ближе, чем можно было предположить. Сняла варежки, посмотрела на часы: оставалось ещё целых десять минут. Вошла, оставила в раздевалке верхнюю одежду, привела волосы в порядок, добавила духов, чтобы не пахло больницей. Села за заказанный столик, попросила официантку принести и зажечь свечи. Посмотрела на часы. Он придёт вовремя, пятнадцать-двадцать минут не в счёт.

– У меня для тебя важная новость.

Да нет же, сначала нужно подготовиться, и только потом сказать:

– У меня для тебя важная новость.

Он заберёт руку, отойдёт из бокала. Тут важно не расслабиться, не начать ждать его реакцию. Улыбнуться так, чтобы он вспомнил прошлую ночь, и только потом сказать:

– Теперь наша жизнь изменится.

Максимум – что он может ответить? Заказ он сделал, вино отпил, руку поцеловал, сжал, отпустил. Обязательно ответит. Максимум:

– Почему – наша?

Посмотрела на часы: оставалось минут пять, возможно, даже четыре. Не отвлекаемся, думаем. Впрочем, этот вариант уже проанализирован. Она размышляла над ним ещё прошлой ночью и сегодня в больнице, в кабинете, пропахшем лекарствами.

– Потому, что...

А, вот и он. Ещё бы минут пять, но всё равно получается вполне приемлемо.

– Здравствуй, – сказал он, улыбаясь, поцеловал ей руку и протянул розу на длинном черенке.

Ну, вот: о розе не подумала. Будем надеяться, что больше ошибок не будет. Не расслабляться, сосредоточиться. Понюхала розу, улыбнулась, потом ещё раз – ему. Подошла официантка, поставила розу в длинную узкую вазу.

Он заказал вина. Сделал заказ.

Улыбнулся, взял её за руку.

Улыбнулась так, что он не мог не вспомнить прошлую ночь. Сказала:

– У меня для тебя важная новость.

Отнял руку. Отпил вина. Не ждать его реакцию, продолжать улыбаться, чтобы он думал только о прошлой ночи, ну, и о сегодняшней, конечно. Говори, не жди. Сказала почти без паузы:

– Теперь наша жизнь изменится.

Ну, что он может ответить? Обязательно что-нибудь ответит – важно не потупить глаза и не отвести их. Продолжать улыбаться, увлекательно смотреть на него. Сейчас ответит, других вариантов вроде бы нет. Итак?

Закурил. Обвёл взглядом зал. Остановился на официантке. Затянулся. Не исключено. И всё-таки сейчас ответит. Максимум –

– Почему – наша?

Это – максимум. Возможно –

– Что ты имеешь в виду?

Или – ну, это вряд ли, но – с лёгким юмором:

– Солнышко, ты не боишься радикальных перемен?

Закурил. Отпил. Обвёл взглядом зал. Остановился на официантке. Затянулся.

– Значит, твоя жизнь – уже наша? И моя тоже?

Вот тебе и максимум... Мельком посмотрел на официантку, потом в окно, потом наконец-то на неё.

Не поддаваться настроению, всё под контролем. Не переставать улыбаться, как перед этим. Ещё немного, всё получится.

Отпила, понюхала розу, поставила обратно в вазу. Улыбнулась – теперь беззащитно:

– Мне бы очень хотелось этого.

И без паузы – ну, возможно, одна, от силы две секунды:

– Я только что из больницы. Ещё, наверно, пахну лекарствами. У меня для тебя важная новость...

Разведка боем.

Он строг:

– Мы же договаривались.

Не терять мужества. Наоборот:

– У нас будет...

Он без подготовки:

– У тебя. Я правильно понимаю? Мы же договаривались.

Снисходительно – нет-нет – ещё чего! – ласково улыбнулась:

– Не совсем. Именно – у нас. У нас будет всё, о чём мы с тобой мечтали. –

Отпила. – Меня приняли в штат. – Взяла его за руку. – Теперь у нас с тобой будет постоянная работа.

Слишком резко обрушила. Нужно было ещё немного подготовить. Например:

– Я хочу, чтобы у тебя было больше свободного времени.

Ах, да не так же плоско и прямолинейно!

– Я хочу, чтобы ты не мучил себя унижительными поисками издателя и случайными, унижительными подработками.

Лучше. Только не «я», а просто –

– Чтобы ты не мучил себя унижительными поисками издателя и случайными, унижительными... Пусть сами тебя ищут, ты вполне заслуживаешь. Они выстроятся в очередь – вот увидишь. Теперь мы можем действовать с позиции силы. Теперь мы с тобой сильны.

Примет или нет? Если примет, можно двигаться дальше. А если нет?

Саркастически улыбнётся. Нет, скептически ухмыльнётся.

– В отличие от меня, ты молодец.

Или – стоит надеяться – внешне равнодушно:

– Поздравляю, ты, как всегда, молодец.

И обязательно:

– В отличие от меня.

Он отпил, саркастически и немного скептически улыбнулся и сказал внешне равнодушно:

– Поздравляю, ты, как всегда, молодец. В отличие от меня.

Это не проблема, тут подводных камней нет. Он ждёт утешения, что может быть проще утешения?

– Если бы не ты, они никогда бы меня не приняли.

Ах, Господи, ну не так же примитивно!

Взяла за руку, сжала его пальцы. Посмотрела в глаза поддерживающе и увлекающе:

– Если бы не ты, мне бы это никогда не удалось.

Не останавливайся, развивай! Ну, что ты замолчала? Объясни ему:

– Зачем им не уверенный в себе хирург с мокрыми от волнения руками и дрожащими поджилками?

Тут же, для усиления, мягко пошутила:

– Чтобы вместо гланд удалить язык?

Он не возразил и даже не забрал руку. Разовьём успех:

– Ты меня поддержал. Спасибо тебе. Давай выпьем за это, и за тебя.

Он потушил сигарету. Накрыл её руку своей:

– Лучше бы не ты, а я удалял гланды, вместо того чтобы сочинять эти мои бездарные истории.

Получилось! Успех близок! К тому же официантка вовремя принесла закуски. Осталась заключительная фраза – совершенно дело техники:

– Тому, что делаешь ты, нельзя научиться. Вот почему я говорю, что наша жизнь изменится. Теперь ты можешь не думать ни о чём, кроме своих историй. И не называй их, пожалуйста, бездарными. Твёрдо:

– Ты же знаешь, что они для меня значат.

Всё точно, только сейчас аккуратнее, чтобы не переусердствовать на радостях от достигнутого успеха. Отпила, откинулась, посмотрела в окно, отъела, отпила. Он ждёт решающей фразы. Вот она:

– Если бы не твои, как ты выражаешься, бездарные истории, у меня руки продолжали бы дрожать. А сейчас – видишь? Мне ничего не страшно.

Ну вот, теперь можно немного расслабиться. Кажется, получилось. Спокойно перекусить, послушать о завистливых приятелях и неталантливых редакторах. Заказать ещё бутылочку красного... Нет, это лишнее: впереди ночь, а завтра рано утром в больницу. Нужно поддержать форму. Сняла варежку, посмотрела на часы: оставалось минуты две-три, не больше. Огни всё же покраснели. Вошла, оставила в раздевалке верхнюю одежду, привела волосы в порядок, добавила духов, чтобы не пахло больницей. Села за заказанный столик, попросила официанта принести и зажечь свечи. Посмотрела на часы. Он придёт вовремя, пятнадцать-двадцать минут не в счёт. Кажется, всё продумала, сюрпризов быть не должно.

Итак, не отвлекаться. Гланды, неумные издатели, дрожащие поджилки, завистливые друзья, небездарные истории...

Если всё пройдёт хорошо, в следующий раз можно будет перейти к самой главной новости.

Но только если пройдёт хорошо.

Ага, вот и он. Ещё бы пару минут, но всё равно получается вполне приемлемо. Она готова.

Можно начинать.

*Монреаль,
Декабрь 2005 г.*